

ховенству и российскому чиновничьему аппарату (с. 65).

Нет сомнения в том, что утверждения о добровольном вхождении чувашей, башкир и некоторых других народов в Российскую империю во многом натянуты и политизированы. Возможно, придет время, когда все эти сюжеты будут прочитаны по-новому.

Весьма интересен подход С. В. Щербакова к объяснению того, почему чувашаи не стремились к территориальной автономии, к созданию своего государства. Автор пишет, что к началу XX столетия чувашские общины с трудом сохраняли свои традиционные культурные устои, чему причинной была угроза экспансии православия и столыпинская аграрная реформа, направленная на слом общины. В ответ на это появился проект экстерриториальной автономии, который С. В. Щербаков охарактери-

зовал как «проект Алюнова», в создание и реализацию которого много сил вложили такие чувашские деятели, как Д. П. Петров-Юман и Н. В. Никольский.

Суть работы заключается в доказательстве того, что «чувашская община как первичная ячейка и «охранитель» чувашской культуры на протяжении столетий выработала в виде культурной и экономической самоизоляции защитный механизм от культурного воздействия иных этносов» (с. 61).

Новизна и оригинальность исследования С. В. Щербакова не вызывает сомнений. Многие его сюжеты, в том числе относящиеся к истории XX в., не просто познавательны, но и актуальны. Уверен, что исследование будет высоко оценено научной общественностью.

Индус Тагиров,
доктор исторических наук

Приглашение в социализм или Симбирский-Ульяновский край в новейшей истории России

Вы никогда не обращали внимания на то, как работники архивов наблюдают за исследователями, работающими с документами в читальном зале? В их взгляде присутствуют разные чувства: строгость, сочувствие, даже жалость. Архивисты любят свои документы, берегут их, заботятся о них и, главное, знают их содержание лучше любого исследователя. Зачастую недоумевают, почему читатели спрашивают не те документы, которые, по их мнению, лучше раскрывают тему. Мне даже кажется, что архивисты не одобряют исследовательскую практику критики исторического источника. Они так любят подлинные исторические документы, что готовы обижаться на недоверие к их форме и содержанию. Остается спросить: «По-

чему же архивисты сами не пишут книги по истории?»

И вот работники Государственного архива новейшей истории Ульяновской области решили написать на основе документов своего архива историю советского периода региона. Труд посвящен 70-летию со дня основания Ульяновской области, отмечаемому в текущем году. Книга издана с хорошей полиграфией, красивой обложкой, иллюстрирована. Ее открывают приветствия губернатора — Председателя Правительства Ульяновской области С. И. Морозова и Министра искусства и культурной политики Ульяновской области Т. Г. Мурдасовой.

Книга сразу вызывает интерес, поскольку охватывает период советской истории. Противоречивые события это-

Забалухина Н. В., Пашкин А. Г. Симбирский-Ульяновский край в новейшей истории России. 1917-1991 гг. Люди. События. Факты. — Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2012. — 204 с.

го времени не перестают привлекать к себе общественное внимание, однако мало кто рискует взять на себя смелость создать обобщенную картину почти вековой истории как всей страны в целом, так и ее отдельного региона. Тем большее уважение вызывает поступок ульяновцев, дерзнувших воспроизвести страницы истории экономики, социальной сферы, политики и культуры своего края на протяжении 1917-1991 гг.

Жанр рассматриваемой книги определить весьма трудно. В работе практически нет авторских рассуждений, оценок, выраженного с современных позиций отношения к описываемым событиям. В то же время это и не сборник документов, раскрывающих образ эпохи. Даже научно-справочный аппарат «слепой», т. е. в ссылках на архивные источники авторы не сочли нужным назвать документы, положенные в основу текста. Кроме того, в издании отсутствует обычный для исторических исследований историографический обзор, тем самым создается впечатление, что мы держим в руках первую работу по истории советского времени в Ульяновской области. Неужели у авторов не было предшественников и региональная история 1917-1991 гг. никого раньше не интересовала? Что же это за уникальная книга?

В предисловии авторы, Н. В. Забалухина и А. Г. Пашкин, заявили, что «на-

стоящее исследование было проведено на основе документов партийных структур, которые ранее имели гриф «секретно» и не были доступны для исследователей» (с. 7). С все возрастающим интересом открываю книгу, читаю и недоумеваю: что же секретного могли содержать ведомости, отчеты, выступления партийных функционеров на массовых собраниях, если часть этих документов не только не секретна, а даже давно опубликована в периодической печати, краеведческих сборниках, трудах по истории Ульяновска и Ульяновской области?

Далее авторы определяют хронологические рамки издания, «начиная с событий весны 1917 г.» (с. 7). Открываю первую главу «Симбирская губерния в первые годы Советской власти (1917-1921)» и первой же фразой попадаю сразу в декабрь 1917 г., когда Советская власть была провозглашена в городе. Хочется узнать, как же произошло это событие? Может быть, авторы расскажут что-то новое по ранее засекреченным документам? Но нет, они удивляют иным открытием: оказывается 12 декабря 1917 г. был положен конец двоевластию. Интересно, в стране он был положен в июле, расстрелом мирной демонстрации и очередным кризисом Временного правительства, а в Симбирске — только провозглашением Советской власти. Да и сам период двоевластия трактуется как «планомерное разделение» полномочий между комиссаром Временного Правительства и местными советами. Кто же запланировал такое разделение? Что касается весны 1917 г., то о ней в главе только одно упоминание: «Советы как система политической власти... приобрела (так в книге. — Н. Ф.) необычайную популярность весной 1917 г.» Не буду спорить.

Авторы не перестают удивлять и во второй главе. Период новой экономической политики на территории области они характеризуют «временем ее экономического подъема», при этом констатируют, что в результате административно-территориальных изменений «бюджет региона потерял до 1/3 всех ресурсов» (с. 32). Данное замечание явно требует специальных разъ-

яснений, но их нет. Подобная картина наблюдается по всей книге, и я не хочу утомлять читателя мелкими подробностями. Такими, например, как рассказ об открытии Ленинского мемориала в 1970 г., в котором авторы ни словом не обмолвились о том, какие объекты, кроме Большого зала, вошли в музейный комплекс. Странно выглядит и упоминание имени Дениса Мацуева среди выдающихся деятелей культуры, «стремившихся выступить» в Ульяновске в 1970-е гг. Дело в том, что прославленный музыкант родился только в июне 1975 г.

Что касается общего впечатления от текста книги, то, на мой взгляд, у него есть один главный недостаток. Несмотря на многочисленные заявления авторов о исследовательском и аналитическом характере своей работы, именно этого и не хватает. Нет исследовательского момента, позволяющего уходить от обтекаемых фраз («Были приняты меры, направленные на улучшение...») — Какие меры? Принесли ли они улучшение? В чем это улучшение выразилось? Или: «В работе ряда предприятий наличествовали проблемы». — А какие именно предприятия и какие именно проблемы?).

В обязанности исследователя входит и проверка на достоверность данных официальной статистики, приводимых в докладах и отчетах партийных лидеров, в официальных выступлениях руководителей советских структур. Этого А. Г. Пашкин и Н. В. Забалухина не сделали. Перед читателями встает главный вопрос: «Если все было так хорошо, как пишут авторы, если народ наш шел от победы к победе, а правящая партия не знала иных забот, кроме заботы о повышении материального и культурного уровня жизни советского человека, то почему же рухнула советская система?» С неподдельным умилением сегодня читается рассказ о «последовательном осуществлении экономической стратегии партии, главная цель которой... создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства» (с. 147) и т. д.

Авторы рассматриваемой работы слепо идут за источником, за историческим документом, рожденным в недрах партийных структур или созданным для этих структур специально. Такое доверие приводит к тому, что в тексте работы отсутствуют собственные замечания и оценки, что ряд высказываний авторов сегодня вызывают ироническую улыбку. Например, проблема пьянства и алкоголизма оказывается у нас обострилась к середине 1980-х, как раз к постановлению ЦК КПСС (с. 153) или прирост производительности труда в XI пятилетке составил всего (подчеркнуто нами. — *Н. Ф.*) 53,8 % (с. 152). Кто сегодня осмелится сказать, что 53,8 % мало для прироста производительности труда? Разве это авторское наблюдение: «Довольно стабильно и уверенно стали работать предприятия железнодорожного, автомобильного, речного и авиационного транспорта»? (с. 136) Даже не угадаешь, к какому времени может быть отнесена эта фраза. Из контекста следует, что к концу 1970-х гг., и сразу вспоминается трагедия на Волге с теплоходом «Александр Суворов», которая произошла возле Ульяновска в июне 1983 г. Разрушение железнодорожного моста парализовало работу транспорта, не говоря о погубленных человеческих жизнях. В главе о периоде 1980-х об этом нет ни слова, видимо, Ульяновский обком КПСС данным вопросом не занимался.

Не просматривается исследовательский подход к составлению кратких биографических очерков политических деятелей Ульяновской области. Они явно подготовлены по материалам их личных дел, где отсутствует дата смерти. Авторам следовало привлечь дополнительные материалы, хотя бы местную периодическую печать, где публиковались некрологи партийным секретарям и председателям исполкомов, и дать полноценную биографическую справку.

Исследователь был обязан проверить свое исследование на наличие опечаток, стилистических ошибок, оговорок. Разве мог А. А. Скочилов работать первым секретарем Ульяновского обкома КПСС с августа 1912 по июль

1977 г. (с. 119)? Или такой нелогизм, как «от оборонной промышленности не отставала и местная» (с. 92)? Разве местная промышленность во время Великой Отечественной войны не работала на оборону Родины? При более внимательном отношении к своему тексту, при наличии аналитического подхода к источнику, при исследовательском характере работы таких просчетов не могло быть.

При этом анализируемая книга весьма интересна. В ней собран замечательный документальный материал в виде воспоминаний свидетелей и непосредственных участников событий образования Ульяновской области: И. Н. Терентьева, И. Т. Зотова, первого и второго секретарей Ульяновского обкома ВКП(б) 1940-х гг.; статистических данных в форме динамических рядов по показателям развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства, социальной сферы. Эти материалы могут служить основой нового исследования по истории советского периода Ульяновской области, они красноречивы и информационно богаты. Если довести до завершения поисковую работу по сбору биографических сведений относительно руководителей партийных, советских и хозяйственных структур, то может получиться интереснейшая мозаика жизни областной номенклатуры. Прекрасный

источниковый комплекс представляют фотоматериалы. Они дают информацию не только по историческим фактам, но и по истории повседневности советской поры, быта и материальной культуры, частично раскрывают ряд аспектов советской ментальности.

В заключение я, пожалуй, смогу определить жанр прочитанной книги. Это — провокация. В хорошем смысле слова. Книга пробуждает мысли и чувства, заставляет задуматься о нашем недавнем прошлом, побуждает к исследовательскому действию.

И последнее: каждый должен заниматься своим делом. Архивист — сбором и хранением документов, исследователь — их критикой, анализом, осмыслением и переосмыслением. Любой документ субъективен, он отражает не сам факт, а чье-то восприятие факта. Задача исследователя состоит в объективизации субъективного, в том, чтобы с помощью специальных исследовательских методов вычленив историческую реальность. Думается, что было бы интересней получить от архивистов к юбилею области сборник разнообразных по типам и видам, по форме и содержанию документов, воссоздающих дух эпохи.

Наталья Федорова,
кандидат исторических наук

Предмет исследования — деятельность Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг.

Современные исследователи довольно редко обращаются к начальной истории советских органов власти и управления. На этом фоне исключением является монография Г. М. Латыповой, посвященная изучению деятельности Народного комиссариата просвещения ТАССР в 1920-е гг., ставшие одним из самых драматических периодов формировавшегося советского общества и государства. Уже одно это обстоятельство привлекает к работе внимание специалистов. Но есть и другие причины, вызывающие к ней

риата просвещения ТАССР в 1920-е гг., ставшие одним из самых драматических периодов формировавшегося советского общества и государства. Уже одно это обстоятельство привлекает к работе внимание специалистов. Но есть и другие причины, вызывающие к ней

